

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Holland J. Adaptation in Natural and Artificial Systems: An Introductory Analysis with Application to Biology, Control and Artificial Intelligence. – Michigan: Michigan University Press, 1975. – 135 p.
2. Nonaka I. Creating organizational order out of chaos: self-renewal in Japanese firms. – N.Y.: Oxford University Press, 1988. – 283 p.
3. Эшби У.Р. Введение в кибернетику. – М.: Наука, 1979. – 373 с.
4. Доброчеев О.В. Неустойчивое равновесие коллективных систем физико-химической, биологической и социальной природы // Российский химический журнал. – 1995. – Т. 39. – № 2. – С. 48–54.
5. Quinn J.B. Strategic Change: Logical Incrementalism // Sloan Management Review. – 1978. – V. 1. – № 20. – P. 7–21.
6. Гамидов М.А. Основы инноватики и инновационной деятельности. – М.: Инфра-2000, 2004. – 325 с.
7. Ансофф И. Стратегическое управление. – М.: Экономика, 1989. – 519 с.
8. Von Bertalanffy L. An Outline of General Systems Theory // British Journal of the Philosophy of Science. – 1950. – № 1. – P. 134–165.

УДК 130.06

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ ФОРМЫ РАЗЛОЖЕНИЯ РОДОВОГО ОПЫТА АРХЕТИПА

А.Г. Некита

Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого

E-mail: beresten@mail.ru

Статья посвящена определению ведущих институциональных форм разрушения родового опыта архетипа в контексте современной социальной реальности. Автор настаивает на том, что подобные процессы могут возникать и усиливаться лишь на фоне эскалации бессознательного отчуждения человека от неосваиваемых им на протяжении поколений содержаний мира. Эти содержания государственно оформляются в ведущих социальных институтах, позволяющих власти конструировать имитационно-виртуальную картину многообразия и изменчивости бытия. В статье рассматриваются наиболее значимые современные социальные институты – государство, наука и идеология. Именно они представляют собой полигон воспроизводства «превращенной формы» сознания. Освобождение общества от диктатуры социальных институтов возможно лишь на путях индивидуального освоения родового опыта поколений, который эссенцируется в универсальном действии архетипа.

Осмысливая путь, пройденный постсоветскими обществами за годы становления демократической государственности, социальные изменения, направленные на преодоление дегуманизованного тоталитарного прошлого, утверждение этих стран в качестве полноправных членов мирового сообщества, входящего в третье тысячелетие своего существования, мы приходим к выводам о необходимости глубоких масштабных преобразований социума, осознания сложности и противоречивости современного этапа в развитии человеческой цивилизации. Неоднозначность же практики социального реформирования, сопровождающие ее неизбежные неудачи, заставляют думать не столько об ошибочности используемых методов и возможной некомпетентности его организаторов и исполнителей, сколько о существовании концептуальных заблуждений, обусловленных грузом прошлого опыта. Позитивные сдвиги в преобразовании общества предполагают «очеловечивание» всех его институтов, в окружении которых проходит жизнь индивида, что возможно лишь через познание подлинной природы личности, сущности ее взаимодействия с социальными структурами.

Анализ многочисленных попыток социального реформирования приводит к целому ряду выводов, которые свидетельствуют, во-первых, о наличии огромного количества нерешенных социальных проблем, во-вторых, о принципиальной невозмож-

ности познания закономерностей общественного развития и их успешного применения на основе исчерпавших себя методов. Автор считает, что подавляющее большинство кризисных ситуаций возникает в следствие заполнения общественного бытия «превращенными формами социальности», которые обнаруживаются при изучении практически любого социального образования или социального действия. По сути, указанные объекты исследования имеют двойственную природу. С одной стороны, они представляют собой продукты сознательного социального творчества, призванные на основе требований рациональной логики и с позиций утилитарного прагматизма регулировать функционирование общественного организма. С другой – каждое подобное явление обязательно обрастает грузом бессознательных проекций, продуцируемых множеством составляющих общество социальных групп. Каждая из этих проекций на свой лад интерпретирует образ действия, мотивы и побуждения, лежащие в основе того или иного акта социального реформирования, под которым следует понимать вообще любое общественное изменение, вне зависимости от его масштабов и оценки. Как идеальные образования, превращенные формы проявляются в коммуникации индивидов, в их отношениях с социальными группами, во взаимодействии социальных групп в рамках общества. В современных условиях наиболее значимыми формами превращенной

социальности следует считать государство, как традиционную модель организации социального бытия, науку, формирующую картину мира, и идеологию, определяющую мировоззренческие ориентиры и направления духовного развития общества.

В числе основных функций государства – управление социумом, охрана его экономической и социальной структуры, регулирование отношений с социальными противниками. Оно выступает гарантом прав граждан, населяющих его, с другой стороны, принимает на себя обязательства по соблюдению основополагающих принципов международного права. При реализации этих задач государственные структуры вплотную сталкиваются с необходимостью учета и оптимизации интересов, мотивов, устремлений различных субъектов политического процесса. Все это составляет лишь одну, объективную сторону бытия государства. Любая попытка практической реализации хотя бы одной из указанных функций приводит к появлению сотен частных реакций – от заурядных «кухонных» оценок до серьезных аналитических выводов и парламентских дебатов. Так возникает целый ряд относительно самостоятельных, образных, эмоционально-окрашенных представлений, отражающих определенное видение социальными субъектами объективных государственных задач и способов их реализации. В этих оценочных суждениях значительна доля бессознательных компонентов, обуславливающих перенос комплекса индивидуальных чаяний и надежд на внешний, противостоящий объект, которым в данном случае выступает государство. А поскольку люди, сознательно или бессознательно, оказываются включенными в самые различные социальные образования от очередей в магазинах до политических партий или организаций, то индивидуальные комплексы притираются и согласовываются друг с другом. Они оформляются в определенные конгломераты, представляющие собой групповое видение либо внешнего объекта в целом, либо его отдельной части, либо какого-нибудь практического действия. Так формируются коллективные проекции, наличие которых и позволяет говорить о том, что в реальной жизни люди находятся под властью не абстрактных внешних объектов (в данном случае государства), а всего лишь в плену своих собственных представлений о них, т. е. в конечном итоге – в кабале у самих себя.

Пассивно ожидая от государства как социального института организации и структурирования своего собственного бытия, целеуказаний относительно перспектив индивидуального и коллективного развития, определения наиболее адекватной линии поведения и образа действий, индивиды и образующиеся из них социальные группы подписывают с государством «контракт» в духе доктора Фауста. Тем самым, они предоставляют ему карт-бланш на распоряжение своими судьбами на поколения вперед, снимая с себя всякую ответственность.

К счастью в обществе находятся личности, способные осознать, что смысл человеческого бытия отнюдь не исчерпывается количеством и даже качеством социального пайка. И индивид, добровольно вступающий на путь порабощения государством, не догадываясь и не желая этого, сам активно помогает его торить. Делая при этом своими кумирами внешний авторитет и абстракции больших чисел, он не оставляет в себе ничего, за что мог бы бороться, опираясь на стержень нравственного закона, за что стоило бы нести персональную ответственность. Таким способом содержание личности редуцируется лишь к ее социальным функциям, отправление которых расценивается как безусловное благо, как пожизненный долг в отношении государства. Идея «общности» человека и государства, коллективность и патернализм представляют собой как наиболее доступный выход, так и скрытую ловушку для духовно нищих масс, которые, проходя процедуру обезличивания, превращаются в толпы *унификумов*. Как сложение сотен нулей никогда не может дать даже единицы, так ценность общности соответствует лишь усредняемому по минимуму духовному и нравственному уровню составляющих ее лиц. Поэтому было бы заблуждением ожидать от коллектива нечто превосходящее этот потенциал, ожидать действительного и фундаментального духовного прогресса его членов. Это может быть лишь результатом непосредственного общения людей, но никак не итогом массовых мероприятий, проводимых под знаменами любых цветов, сопровождающихся групповым пением гимнов или цитированием различных авторитетов. Оценивая многовековую историю взаимоотношений государства и личности, можно утверждать, что за редким исключением это есть эгоистичная, меркантильная, грубая, низменная игра государства на примитивной неразвитости и наивности своих подданных. Отвечая подобным образом на чувства людей, выраженные в проекциях, государство провоцирует эскалацию новых витков взаимного проецирования, все более втягивая индивидов и социальные группы в извращенный порочный круг превращенных форм социальности.

Автор убежден в принципиальной возможности позитивного разрешения создавшейся критической ситуации. В контексте анализируемых отношений процесс преодоления как самих проекций, так и порождающего их механизма, требует наличия обоюдного стремления. С одной стороны, государство должно принять на себя обязательства по предоставлению максимально возможной информации о своей деятельности, обеспечить общественным организациям оптимальные условия для самореализации их участников в рамках демократической политической системы, гарантировать индивидам сохранение личной свободы в сочетании с возможностью их участия в социальных преобразованиях как самостоятельно, так и будучи включенными в общественные структуры. С дру-

гой стороны, от индивидов, как субъектов политического процесса, требуется осознание собственного социального статуса на основе длительной, кропотливой работы по самоидентификации и самопознанию, от общественных организаций, наряду с определением их должного места в социальной палитре, – сохранение их коллективистского духа и творческая работа по развитию личности в качестве главной цели их деятельности.

Громадное влияние на эволюцию современных форм социальности оказывает наука. Как относительно самостоятельная сфера человеческой деятельности она призвана вырабатывать и теоретически систематизировать объективные знания о действительности. Формируя определенное представление о мире, она предлагает другим социальным институтам свое видение состояния и перспектив развития современной цивилизации. Становление научного представления о мире носит противоречивый характер. Во-первых, следует отметить колоссальные открытия, способные коренным образом изменить социальное бытие человечества и естественную среду его обитания. Во-вторых, высокий уровень техники и технологий еще не гарантирует существования оптимальных методов их адаптации к развивающемуся социуму и находящемуся в процессе распределения своей сущности индивиду.

Несмотря на кажущуюся предельную объективность науки, не стоит игнорировать тот факт, что ее развитие обеспечивают субъекты или группы субъектов, которые, как указывалось, являются носителями индивидуальных и коллективных бессознательных проекций, оказывающих существенное влияние на самих субъектов научной деятельности, на ход и результаты процесса научного исследования, и, безусловно, на их оценку и освоение обществом. Вместо признания этих очевидных фактов наука, провозглашая себя воплощенной рациональностью, опускается до извращения действительности. Как и в любом виде человеческой деятельности, здесь постоянно присутствует значительная доля иррациональности.

Эволюционирование науки предполагает существование достижений и неудач, периодов бурного роста и стагнации. Но общественное внимание, как правило, сосредотачивается только лишь на успехах науки, выдающихся открытиях, фундаментальных разработках. А ведь у всех них еще есть и негативная сторона, сознательно или чаще всего бессознательно скрываемая. Именно так в обществе закрепляется устойчивый образ науки как несомненного блага, совпадающий с представлениями массы об авангарде социального и других видов прогресса. По мнению французского исследователя, принадлежащего к школе «социальных представлений» С. Московичи, *«по мере того, как наука и техника день за днем одерживают беспрецедентные победы, наглядно доказывая силу своей логики, их принимают за модель в каждой сфере жизни»* [1. С. 58]. Улавливая подобные коллективные настроения,

наука стремится к активному их упрочению и развитию. Попирая при этом нравственные нормы, она прибегает к спекуляциям и манипулированию общественным мнением, наглядно демонстрируя свой подлинно превращенный характер.

Провозглашая человека объектом исследования, наука пытается создать видимость гуманистического характера своей деятельности, подходя к изучению индивида с позиций непримиримого рационализма. Эти же антигуманные принципы циничной нравственности автоматически становятся основой построения и функционирования научного сообщества, когда превратное толкование тезиса *«Платон мне друг, но истина дороже!»* в практике научных дискуссий оборачивается стремлением к публичной демонстрации интеллектуальной несостоятельности и духовному уничтожению своих оппонентов. Следует особо отметить, что даже гуманитарные науки настолько преуспели в абстрактных разговорах о сущности личности и ее высоком предназначении, что сам реальный человек оказался полностью в них утопленным. В рамках любого научного определения индивид – не более, чем единица, которая, бесконечно повторяясь, может быть произвольно отмечена безликим знаком. В то время как единственно достойным, уникальным в своем роде объектом понимания и изучения есть единичная человеческая личность, находящаяся вне закономерностей и правил, которыми так кичится наука. Моральные коллизии для ученого начинаются тогда, когда ему, вскормленному естественнонаучным воспитанием и вооруженному усредненной теоретико-статистической правдой, приходится иметь дело с индивидуальными, в том числе и своими собственными проблемами. Свобода и ответственность ученого подвергаются нравственному тестированию в каждом случае его таблично-диаграмного взгляда на мир, вытесняющего личность во имя анонимных рядов и колонок безликих цифр, составляющих коллективные группы. Так место конкретных живых людей занимают названия организаций, а итоговой строкой этой «ведомости» – абстрактное понятие государства – одновременно и принципиальной основы, и венца социальной действительности. Духовная активность личности вытесняется социальным обеспечением, индивидуация – погоней за повышением жизненного уровня. Индивид лишается возможности принятия решений нравственного порядка. Ему навязывают мысль о нецелесообразности подобных упражнений в совести – ведь он всего лишь винтик громадного механизма, пешка, которую кормят, одевают, обучают, селят и даже забавляют, принимая при этом за идеальную мерку вкусы и настроения толпы. Рассуждения о месте и роли науки в духовном развитии общества не должны рассматриваться как призыв к отказу от научной деятельности или гонениям на нее. Речь идет о насущной необходимости преодоления ее превращенности, которое будет способствовать профессиональному и духовному росту как каждого от-

дельного ученого и научного сообщества, так общества в целом. Раскрытие самоценности личности ученого, а не погоня за количеством и даже качеством результатов его деятельности, должно стать главным условием нравственного и научного прогресса, основным критерием гуманистичности и объективности знания. В выстроенных, абстрактных рамках научных теорий невозможно обнаружить реальности конкретного человека, который сам по себе уже составляет теорию. Объективность — не в абстрактности, а в конкретности, не в отстраненности, а в приближенности. Один из основоположников социологии знания К. Манхейм считал, что «*причастность к совокупности живых связей общественной жизни является необходимой предпосылкой для понимания внутренней природы этих живых связей*» [2. С. 46].

Оценка субъектом научной теории должна предполагать не слепое поклонение перед авторитетами, а соотнесение ее с результатами самопознания и социальной реальностью. В теоретических построениях ученого абстрактные выводы должны быть соотнесены как с его личным человеческим опытом, так и со знанием опыта других людей, что само по себе требует кропотливой работы, основанной на признании и уважении ценности отдельной личности. Это и является одним из условий преодоления превращенности науки, которая, как носитель подлинно гуманистического знания, обязана будет отрешиться от порочной практики дележа человека между концепциями, теориями и школами. Наука должна быть кровно заинтересована не только в собственном освобождении от превращенности, но и в коррекции извращенного представления о ней, сложившегося в обществе. Высокая мера ее ответственности обусловлена тем, что она вплотную соприкасается с приростом знания, гуманистический потенциал которого и определяет будущее развитие цивилизации. Традиционно идеология трактуется как совокупность взглядов, идей и концепций, отражающих в более или менее теоретизированной и систематической форме уровень восприятия и оценки людьми самих себя, своих взаимоотношений с социальными группами, с окружающей социальной и иной действительностью. Подобное понимание идеологии может способствовать интеграции общества. Но, как и в двух предыдущих случаях, этому препятствует превращенность.

Реальности социального бытия таковы, что в нем представлен широкий спектр групп, образующихся по самым различным основаниям — месту «... в исторически определенной системе общественного производства» [3. С. 15], национальным, религиозным, государственно-политическим, культурным и иным признакам. И роднит их только то, что все они, в конечном итоге, состоят из индивидов, каждый из которых, на базе личного прошлого опыта, видения настоящего продуцирует идеи, формирующиеся в специфические модели завтрашнего мира и места человека в нем. Общности людей на

основании этих индивидуальных моделей вырабатывают определенные коллективные представления. И так, социальное пространство оказывается наводненным множеством уже коллективных моделей, которые, при взаимодействии друг с другом, чаще провоцируют конфликты, чем способствуют обществу согласию. Таким образом, уже с момента своего зарождения идеология предстает всего лишь выразителем специфических групповых, часто эгоистичных умонастроений, постоянным источником социальной напряженности.

Функционирование на политической арене разнонаправленных движений предоставляет любому из них реальную возможность демонстрации своим противникам скрытых от них самих бессознательных мотивов их действий. Соккрытие такого рода, безусловно, не является умышленным действием, оно лишь отражает особенность коллективного видения мира, при котором желательное отыскивается в окружающей действительности охотнее, чем враждебное и чуждое. Очевидно, что идеи, декларируемые какой-либо социальной группой, выражают суть ее жизненной ситуации, условий ее бытия и особенностей сознания. Возникающие конфликтные ситуации содержат возможность перерастания политической борьбы между группами в открытое уничтожение противников. Сам ход подобных дискуссий демонстрирует не столько правоту или неправоту той или иной партии, сколько стремление одной из них подорвать основы социального и интеллектуального существования оппонентов, затронув экзистенциальную основу их мышления и бытия. Описанная тактика наглядно демонстрирует, в первую очередь, собственную несостоятельность группы, исповедующей подобную практику общественной коммуникации. Такое понимание идеологии как теоретического фундамента и инструмента насильственного социального ранжирования, закрепляющееся в сознании индивидов и групп, способствует сохранению и усугублению этого положения вещей, которое ею же создается, объясняется и поддерживается, и фактически свидетельствует о ее превращенном характере.

Более того, автор считает, что идеология занимает специфическое положение среди всех превращенных форм. Ее прочность и авторитет базируются на способности аккумулировать максимально возможное количество индивидуальных проекций. На основании этого можно квалифицировать идеологию как вместилище всех проекций, способную, поэтому принять на себя «превращенность» всех существующих превращенных форм социальности, связывая их в единое духовное пространство. Вместе с тем, принципиальная основа превращенности — коллективность, получает в идеологии свое логическое завершение. Поэтому тотальное господство превращенной идеологии является неизбежным атрибутом массового общества, которое и в целом, и в каждом своем проявлении антилично.

По своей фундаментальной, интегрирующей общественной ценности идеология может быть сопоставима только с мифом. Их роднит тотальность, коллективность, пренебрежение внутренним миром отдельного человека. Как и миф, идеология способна гармонизировать социальные отношения, но уже не на основе стихийной логики бессознательного, а через преодоление своей превращенности, через познание сущности человека и закономерностей развития общества.

Прогрессирующая разобщенность индивидов и социальных групп свидетельствует об опасности накопления в обществе груза не решаемых проблем, нарастании ощущения аномальности и абсурдности человеческого бытия. Неспособность превращенной идеологии указать пути преодоления этих кризисных явлений обуславливает активные поиски выхода, вплоть до появления теорий, провозглашающих «конец идеологии». По мнению американского социолога Д. Белла, в условиях НТР интегративные функции идеологии будет выполнять наука, а на смену государству придет меритократия – власть новой интеллектуальной элиты. Автор считает, что наука в принципе не сможет заменить идеологию в силу своего элитарного, корпоративного характера, единственным же достойным делом интеллектуальной элиты должно стать не выполнение полицейско-распорядительных функций государства, а формирование модели новой идеологии как парадигмы будущего развития человеческой цивилизации. Степень

свободы элиты служит мерилom свободы общества, а «*возможность относительного освобождения от социальной детерминированности возрастает пропорционально пониманию этой детерминированности*» [2. С. 47] в масштабах всего социума.

Говорить о конце идеологии можно и нужно, но только имея ее в виду в качестве превращенной формы. Лишь развенчание этой превращенности способно противопоставить обновленную идеологию мифу, в этом смысле духовная жизнь общества должна быть демифологизирована. Этот процесс предполагает возрастание роли самосознающего субъекта как первоисточника проекций, развитие на этой основе нового типа взаимоотношений в социальных группах, преодоление в масштабах общества коллективной бессознательности мифа и поступательное движение к действительно индивидуалистическому, рационалистическому мировоззрению, способному «*на определенном этапе превратиться в эффективную социальную реальность*» [2. С. 36].

В отличие от превращенных идеологий коммунизма и фашизма, автор не предлагает современному обществу, в соответствии с традициями мифологизированного прошлого, проходить через ритуалы ради начала нового этапа развития. Общество, может быть впервые в своей истории, стоит на пороге подлинно *свободного сознательного решения*. Единоразов избрав этот путь, человечество, в конечном итоге, придет к выводу о невозможности своего существования вне этого выбора.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Московичи С. Век толп. Исторический трактат по психологии масс: Пер. с фр. – М.: Изд-во «Центр психологии и психотерапии», 1996. – 478 с.
2. Манхейм К. Диагноз нашего времени: Пер. с нем., англ. – М.: Юрист, 1994. – 700 с.

3. Ленин В.И. ПСС. – М.: Изд-во политической литературы, 1958–1970. – Т. 39. – 645 с.

Поступила 25.05.2006 г.